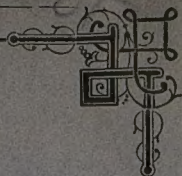

ЛБН 435

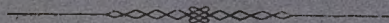

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

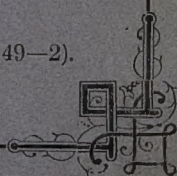
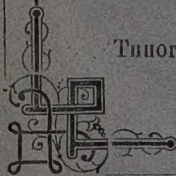
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

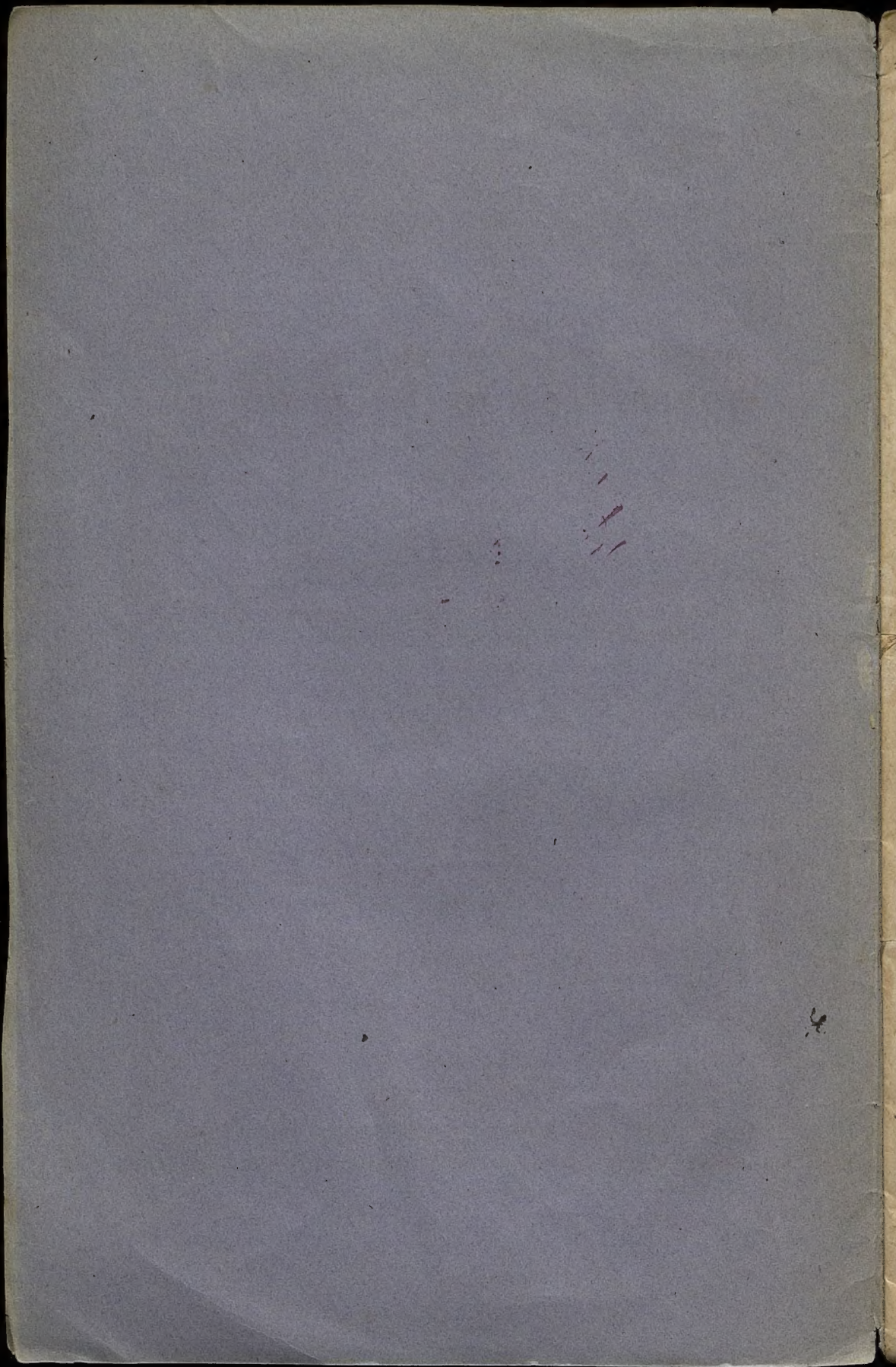
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1874.

215

Л511 435

✓ ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

Россіи

Х
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

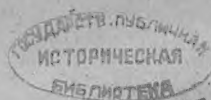
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1874.

из

Напечатано по опредѣленію Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Правитель дѣлъ Ученаго Комитета П. Савваитовъ.

669690 ✓

О ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ память совершившагося 30-го мая 1872 года двухсотлѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго, учреждены при министерствѣ народнаго просвѣщенія преміи Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособія для гимназій, реальныхъ и народныхъ училищъ, а также за книги для народнаго чтенія.

Къ сроку закрытія перваго конкурса, 1-го ноября прошлаго 1873 года, поступило въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія пять соискательныхъ сочиненій по второй группѣ разряда гимназій: два печатныхъ и три рукописныхъ; изъ послѣднихъ одно до присужденія премій исключено, какъ не подходящее подъ правила положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго. Для разсмотрѣнія же прочихъ четырехъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Х. Лемониуса, изъ слѣдующихъ лицъ: члена ученаго комитета Н. И. Савинова, завѣдывающаго гимназіею при Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ О. А. Струве, директора 6-й С.-Петербургской гимназіи Л. О. Лавровскаго и

экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго.

Коммиссія, по разсмотрѣніи всѣхъ соискательныхъ сочиненій, представила о нихъ въ ученый комитетъ свои соображенія, на основаніи которыхъ, устранивъ отъ права преміи три сочиненія, какъ не удовлетворяющія требованіямъ положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, она признала справедливымъ присудить *большую премію* (въ 2.000 руб.) преподавателю латинскаго языка въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ *Рихарду Фохту* за книгу подъ заглавіемъ: «*Матеріалы для упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями*». С.-Пб. 1873 г.».

Ученый комитетъ, по внимательномъ прочтеніи и обсужденіи донесенія коммиссіи и подробнаго, представленнаго ею, отзыва о трудѣ г. Рихарда Фохта, большинствомъ 6-ти голосовъ противъ 4-хъ, присудилъ, согласно съ донесеніемъ коммиссіи, большую премію Императора Петра Великаго г. *Рихарду Фохту* за означенный его трудъ.

Въ вознагражденіе же трудовъ г. предсѣдателя коммиссіи В. Х. Лемоніуса и гг. членовъ: Н. И. Савинова, Θ. А. Струве, Л. О. Лавровскаго и И. В. Помяловскаго, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, ученый комитетъ призналъ справедливымъ выдать имъ учрежденные на сей предметъ золотыя медали.

Это опредѣленіе ученаго комитета, на основаніи § 12 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, было представлено на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей трудъ
г. Р. Фохта, удостоенный преміи ИМПЕРАТОРА ПЕТРА
ВЕЛИКАГО при первомъ присужденіи ея въ 1874
году.

Матеріалы для упражненій въ переводъ съ русскаго языка на латинскій, съ
объясненіями *Рихарда Фохта*. С.-Пб. 1873.

Въ предисловіи къ своему почтенному труду авторъ заявляетъ, что его книга издается по побужденію нѣкоторыхъ друзей, полагавшихъ, что она можетъ быть употребляема при преподаваніи латинскаго языка, тѣмъ болѣе, что такія работы могутъ и должны служить приготовительнымъ матеріаломъ для составленія русско-латинскаго словаря. Авторъ хотѣлъ въ своей книгѣ предложить учащимся такія задачи, на которыхъ они, по прохожденіи синтаксическаго курса, могли бы усвоить себѣ то, что вмѣстѣ съ этимологическими формами и синтаксическими правилами составляетъ свойство латинскаго языка. Этими словами авторъ опредѣляетъ и назначеніе своего труда, и ту точку зрѣнія, съ которой надобно на него смотрѣть для того, чтобы произнести о немъ вѣрное и безпристрастное сужденіе. Дѣйствительно, лицу, взявшему книгу г. Фохта первый разъ въ руки и смотрящему на нее, какъ на сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на латинскій, многое можетъ показаться страннымъ: и выборъ самаго матеріала, и свойство и объемъ комментарія, и наконецъ, недостатки словаря. Вышеприведенныя слова автора объясняютъ намъ всѣ эти, кажущіяся съ перваго раза, странности.

Въ педагогической литературѣ, и именно въ томъ ея отдѣлѣ, который относится къ преподаванію древнихъ языковъ, далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ сборники статей для переводовъ съ роднаго языка на одинъ изъ древнихъ. Всѣ эти сборники существеннымъ образомъ дѣлятся на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ стоитъ (въ педагогическомъ отношеніи) въ преемственной связи съ другимъ. Къ первому отдѣлу относится масса статей, болѣе или менѣе лег-

кихъ, предназначенныхъ, по своему содержанію и расположенію, служить практическимъ примѣненіемъ правилъ изъ грамматики, усвоенныхъ учащимися теоретически. Онѣ, по своей легкости, въ большинствѣ случаевъ не представляютъ мѣста болѣе глубокой и отвлеченной работы ума, а только тверже запечатлѣваютъ въ памяти приобретенныя свѣдѣнія, обогащая ее, сверхъ того, обильнымъ запасомъ словъ и оборотовъ. Нѣтъ никакой необходимости указывать въ подробности на большое педагогическое значеніе, которое имѣютъ переводы подобныхъ статей съ роднаго языка на древніе: самымъ лучшимъ доказательствомъ ихъ практической пользы служить масса сборниковъ этихъ статей, существующая въ педагогической литературѣ. Но есть и другой отдѣлъ упражненій въ переводахъ съ роднаго языка на одинъ изъ древнихъ, отдѣлъ, относящійся къ упомянутому выше, какъ послѣдующее къ предыдущему, и стоящій съ нимъ въ непосредственной, преемственной связи. Какъ задача первого состояла главнымъ образомъ въ обогащеніи памяти словами и оборотами древняго языка и укрѣпленіи въ ней извѣстныхъ грамматическихъ теорій, такъ задача послѣдняго—упражненіе ума, который путемъ сознательнаго подбора прежде приобретеннаго матеріала долженъ его усвоить, обратить въ свое полное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разумное достояніе; первый отдѣлъ подготовляетъ, второй созидаетъ.

И польза, приносимая такими болѣе высшими упражненіями, громадна. Они заставляютъ учащагося прежде всего вдумываться въ значеніе каждаго слова въ отдѣльности, стараться уловить его смыслъ и оттѣнокъ въ фразѣ и затѣмъ подыскать соотвѣтствующія атому оттѣнку и значенію данныя въ чужомъ языкѣ. Какая большая и плодотворная работа ума прилагается при этомъ, видно съ перваго взгляда. Это уже не простая, нерѣдко совершенно механическая справка въ лексиконѣ, результатомъ которой бываетъ въ большинствѣ случаевъ безотчетный подборъ слова; напротивъ, тутъ на первомъ планѣ является сознательная работа мысли, ищущей передать извѣстное понятіе, соединяемое съ тѣмъ или другимъ словомъ въ родномъ языкѣ, соотвѣтственнымъ понятіемъ и словомъ чужаго языка. Слѣдствіемъ этого главнымъ образомъ является сознательное усвоеніе разницы между взглядами того и другаго народа на извѣстный предметъ или понятіе; далѣе, отсюда вытекаетъ и болѣе правильный взглядъ на генетическое развитіе основнаго значенія слова, такъ какъ учащійся необходимо долженъ сознательно доискаться, какими посредствующими ступенями обусловился переходъ того или другаго кореннаго

значенія слова къ требуемому въ извѣстномъ мѣстѣ отъѣнгу. Тутъ разсматриваемыя упражненія являются могущественнымъ подспорьемъ къ интерпретаціи авторовъ и должны идти съ нею рука объ руку. Объясненіемъ отъѣнка значенія слова въ данномъ мѣстѣ оганчивается первый приѣмъ въ работѣ учащагося; второй наступаетъ тогда, когда онъ, вдумавшись въ смыслъ соединенія словъ въ предложеніе, ищетъ возможности передать его на чужой языкъ. Ту же самую роль, которую въ первомъ приѣмѣ игралъ матеріалъ лексическій, въ настоящемъ играетъ граматическій. Онъ, въ болѣе или менѣе цѣломъ составѣ, составляетъ уже достояніе учащагося, приобрѣтенное имъ предварительно; при разсматриваемыхъ упражненіяхъ начинается его сознательное приложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ самъ необходимымъ образомъ осмысливается сопоставленіемъ съ граматическимъ матеріаломъ роднаго языка. Работа не легкая, требующая напряженнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго всесторонняго вниманія; но за то и достигаемые ею результаты плодотворны въ высшей степени. Тутъ требуется отчетливое пониманіе всего граматическаго матеріала, начиная отъ смысла и употребленія простаго суффикса до размѣщенія словъ въ предложеніяхъ; и плодомъ этого пониманія является, съ одной стороны, сознаніе граматическаго строя своего роднаго языка, а съ другой—строю языка чужаго. Наконецъ, послѣднимъ приѣмомъ въ разсматриваемыхъ нами упражненіяхъ является соединеніе отдѣльных предложеній и фразъ, иначе сказать, приложеніе на практикѣ ученія о періодологіи. Въ первыхъ двухъ приѣмахъ учащійся привыкаетъ сознательно относиться къ лексикографіи и граматикѣ; здѣсь же онъ переходитъ къ той сторонѣ языка, о которой первая умалчиваетъ совершенно, а вторая даетъ болѣею частію отрывочныя и скудныя свѣдѣнія. Какъ пособіе, которымъ можетъ руководствоваться учащійся при построеніи связной рѣчи, является главнымъ образомъ матеріалъ, приобрѣтенный имъ изъ чтенія авторовъ. При его обыкновенномъ ходѣ, учащимся не возможно, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не умѣстно, входить въ полное разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ періодологіи. При передачѣ же связной періодической рѣчи съ роднаго языка на одинъ изъ древнихъ, эти вопросы настоятельно заявляютъ свои требованія; и вотъ для ихъ исполненія требуется разумное обозрѣніе и переработка всего матеріала, приобрѣтеннаго изъ предварительнаго чтенія авторовъ: неясное и казавшееся прежде незначительнымъ уясняется и дѣлается въ высшей степени важнымъ;

остававшееся доселѣ безъ вниманія получаетъ свой смыслъ и значеніе.

И какъ плодотворны подобныя упражненія въ переводахъ сравнительно съ сочиненіями на чужомъ языкѣ, составляемыми на заданныя темы. Послѣднія (то-есть, сочиненія) достигаютъ, по видимому, болѣе блистательныхъ результатовъ потому, что сообщаютъ учащемуся извѣстный навыкъ и легкость въ распоряженіи оборотами и выраженіями чужаго языка—но и только. Напротивъ того, переводъ, постоянно удерживая учащагося въ данныхъ предѣлахъ, заставляетъ его мысль, черезъ приискываніе различныхъ комбинацій, передать на чужой языкъ то или другое выраженіе и, въ случаѣ недостатка имѣющихся на лицо, знакомиться съ новыми, доселѣ бывшими ему неизвѣстными данными. Сочиненіе на заданную тему представляетъ нѣчто другое, болѣе легкое, а слѣдовательно, и имѣющее менѣе образовательнаго значенія. При составленіи сочиненія мысль ученика укладывается въ болѣе знакомыя и болѣе доступныя ему фразы, уклоняется отъ прямого и естественнаго хода тамъ, гдѣ ихъ запасъ оказывается недостаточнымъ, и потому нерѣдко вращается въ варіаціи однихъ и тѣхъ же выраженій, отличающихся одно отъ другаго только значеніемъ словъ.

Мы не безъ намѣренія остановились нѣсколько долѣе на указаніи образовательнаго значенія того рода переводовъ, который мы назвали высшимъ, и къ которому относится матеріалъ, представляемый книгою г. Фохта. Остановились мы долѣе для того, чтобы показать, какъ велика важность появленія разбираемаго труда, и какъ высоко должна быть цѣнима польза, которую могутъ пріобрѣсти учащіеся, употребляя для упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій книгу г. Фохта.

Матеріалъ, который даетъ г. Фохтъ для этихъ упражненій, заслуживаетъ полнаго одобренія. Онъ не представляетъ текста, нарочно составленнаго для перевода на латинскій языкъ, но заимствованъ изъ такихъ сочиненій, авторы которыхъ вовсе не имѣли въ виду этой цѣли и старались единственно о томъ, чтобы ясно и правильно изложить свои мысли на родномъ языкѣ. Г. Фохтъ выбралъ нѣсколько главъ изъ извѣстнаго сочиненія Пушкина: „Исторія Пугачевского бунта“ и нѣсколько страницъ изъ изслѣдованія Кудрявцева: „Объ Эдипѣ-царѣ Софокла“,—изслѣдованія, помѣщеннаго во II т. *Пропилей*. Въ самомъ дѣлѣ, выборъ подобныхъ статей, писанныхъ новѣйшими авторами безъ всякой посторонней цѣли, и приложеніе ихъ въ

качествъ матеріала для перевода на латинскій языкъ весьма одобрительны. Польза подобнаго выбора заключается главнымъ образомъ въ томъ, что русскій текстъ представляет не искусственно сформированную и приспособленную именно для перевода рѣчь, но есть представитель свободного, вполне носящаго на себѣ индивидуальность какъ автора, такъ и языка, стиля. При этомъ въ руки учащагося дается чистый матеріалъ, на которомъ можно легче изучить особенности новѣйшаго способа изложенія въ сравненіи съ древнимъ, — а это достоинство не маловажное. Одобривъ вполне выборъ произведеній новѣйшихъ писателей, какъ матеріала для перевода, нельзя не отнестись сочувственно и къ выбору слога Пушкина и Кудрявцева въ частности. Этотъ выборъ имѣетъ двоякое достоинство: первое состоитъ въ томъ, что, приводя отрывки изъ „Исторіи Пугачевского бунта“ и изъ разбора Софоклова Эдипа, г. Фохтъ представляет образцы изложеній историческаго и философскаго, которыя чаще всего встрѣчаются въ сохранившихся остаткахъ римской прозаической литературы, и слѣдовательно, даютъ болѣе обильный матеріалъ для сравненія новаго изложенія съ древнимъ. Другое достоинство видимъ мы въ выборѣ слога именно Пушкина и Кудрявцева. Здѣсь не мѣсто для характеристики слога того и другаго; скажемъ только, что оба автора въ сочиненіяхъ, отрывки изъ которыхъ приведены г. Фохтомъ, представили образцы современнаго русскаго историческаго и философскаго изложенія. На чемъ же легче и полезнѣе изучать особенности русскаго стиля сравнительно съ латинскимъ, какъ не на образцахъ? Наконецъ, есть еще отличительная особенность выбора, сдѣланнаго г. Фохтомъ, на которую нельзя не обратить вниманія, и къ которой нельзя отнестись безъ сочувствія. Она состоитъ въ томъ, что онъ представляет не небольшіе, въ извѣстной мѣрѣ законченные отрывки, а длинныя статьи, имѣющія связное содержаніе. Вотъ какъ г. Фохтъ самъ говоритъ о мотивахъ, побудившихъ его къ этому: „Я предложилъ не множество отдѣльныхъ отрывковъ, но только двѣ большія статьи, какъ потому, что нѣкоторыя вещи (напримѣръ, возвращеніе къ оставленной темѣ послѣ большаго отступленія) попадаютъ только въ болѣе длинной связной рѣчи, такъ и потому, что считалъ важнѣе приобрѣтеніе нѣкоторой твердости на ограниченномъ приращѣ, чѣмъ поспѣшное прикосновеніе разнообразнаго матеріала“. Нельзя не согласиться съ почтеннымъ авторомъ относительно умѣстности подобнаго приѣма и не видѣть большой пользы, проистекающей отъ его приложенія на практикѣ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію того, какъ г. Фохтъ приспособилъ выбранный имъ матеріалъ къ требованіямъ и нуждамъ учащихся.

Авторъ не приложилъ къ своему труду русско-латинскаго словаря и не снабдилъ текста подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ давались бы учащемуся готовныя слова и выраженія, потому что при томъ и другомъ случаѣ упускалась бы изъ виду главная задача предлагаемыхъ упражненій. Г. Фохтъ принялъ за образецъ, по внѣшности, извѣстное сочиненіе Зейферта: *Palaestra Ciceroniana*, пользующееся заслуженною извѣстностью въ филологической литературѣ. Подобно Зейферту, г. Фохтъ разбилъ русскій текстъ на определенное число небольшихъ отрывковъ, присоединивъ къ каждому подробныя примѣчанія, въ которыхъ даются указанія на то, какъ надобно передать русскій текстъ латыни. Въ этихъ примѣчаніяхъ мы имѣемъ строго обдуманную и проведенную, можно сказать, мастерскую работу. Заключаящийся въ ней матеріалъ невозможно разбить на отдѣльныя рубрики, потому что онъ представляетъ массу данныхъ, относящихся какъ къ грамматикѣ, стилистикѣ и лексикографіи, такъ отчасти и къ той области, которую принято называть реальной. Потому мы, не претендуя на всесторонность нашего отчета, укажемъ только на нѣкоторыя стороны матеріала, сообщаемого г. Фохтомъ въ примѣчаніяхъ, надѣясь, однако, что наши указанія будутъ достаточны для того, чтобы дать понятіе о важности разсматриваемаго сочиненія.

Прежде всего г. Фохтъ требуетъ отъ приступающаго къ переводу русскаго текста отчетливаго пониманія послѣдняго; онъ предостерегаетъ отъ возможности понять то или другое выраженіе не въ настоящемъ смыслѣ и указываетъ на построеніе русскихъ предложений. Поэтому, въ трудныхъ мѣстахъ, онъ дѣлаетъ указанія на истинное значеніе словъ и на значеніе всей рѣчи для того, чтобы учащійся правильно понявъ то и другое, могъ вѣрно передать родную рѣчь на латинскій языкъ; напримѣръ:

Отр. 1, § 4. *Будущій историкъ*: „будущій историкъ“, говоритъ г. Фохтъ, „не такой, который навѣрно будетъ, но предполагаемый, поэтому историкъ нельзя перевести существительнымъ, но выраженіемъ *res gestas scribere*“.

XXXI, 2. *Опасное уныніе* — „опасное уныніе есть такое, что оно угрожаетъ опасностію, то-есть, уныніе служитъ причиной, опасность — слѣдствіемъ“.

XIV, 1. *Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и казанское начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступ-*

ника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже другихъ нисвольниковъ. „Мысль эта противопоставляется вышесказанной и содержитъ причину того, что начальство не обратило большаго вниманія на Пугачева, что, въ свою очередь, служило поводомъ не очень строгому содержанію его“.

Обративъ вниманіе на сознательное усвоеніе русскаго оригинала, г. Фохтъ руководить учащагося при правильной его передачѣ на латинскій языкъ. При этомъ приемъ, употребляемый г. Фохтомъ, заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія: не сообщая готовыхъ фразъ и выраженій, которыми можно было бы перевести полатыни тотъ или другой русскій оборотъ (плохо остается въ памяти, что не приобретено собственнымъ трудомъ, — замѣчаетъ почтенный авторъ въ предисловіи, на стр. V), г. Фохтъ предлагаетъ учащемуся аналогическія для каждаго даннаго случая мѣста изъ древнихъ писателей, на основаніи которыхъ можно передать то или другое выраженіе. Отступленія отъ этого послѣдовательно проведеннаго приема рѣдки и ограничиваются исключительно отдѣльными словами, напримѣръ: XV, 2. *Отчаянно* — *ascerime*. XXXI, 4. *Неохотно* — *invitus*. II, 4. *Пока* — *nunc* и т. д. За исключеніемъ подобныхъ отдѣльныхъ случаевъ, изъ которыхъ многіе могутъ быть совершенно оправданными, г. Фохтъ предоставляет самому учащемуся найти то или другое выраженіе, тотъ или другой оборотъ, для чего предлагаетъ фразы изъ древнихъ писателей, имѣющія болѣшую или меньшую аналогію съ даннымъ мѣстомъ русскаго текста. Подборъ этихъ фразъ нельзя не назвать въ высшей степени удачнымъ; потому что нерѣдко г. Фохтъ приводитъ мѣста изъ древнихъ, излагающихъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ обстоятельства, совершенно аналогическія съ упоминаемыми въ русскомъ текстѣ; напримѣръ: XXV, 1. *Сверхъ сего, Рейнсдорнъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ оберъ-коменданту исправить городскія укрѣпленія и привести въ оборонительное состояніе*. Liv. XXII, 8, 7: *hisque negotium ab senatu datum, ut muros turresque urbis firmarent et praesidia disponderent, quibus locis videretur, pontesque rescinderent fluminum*. Въ другихъ случаяхъ г. Фохтъ ограничивается только указаніемъ того или другаго оборота, напримѣръ:

XLVIII, 1. *По нашему крайнему разумнію*: Cic. ad. fam. 1, 8, 5: *quantum ego perspicio*; pro S. Rosc. Am. 13, 35: *quantum ego existimare possum*; de orat. 2, 19, 77: *quantum ego judicare possum*.

II, 4. *Оставляя въ сторонѣ*: Cic. pro Coel. 20, 48: *Mulierem nul-*

lam nominabo: tantum in medio relinquam; pro Mur. 33, 69: Omitto clientes, vicinos cet: hoc dico cett.; ibid. 15, 33: Mitto proelia, praeterego oppugnationes oppidorum и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что г. Фохтъ приводитъ въ точности указаніе мѣста, откуда берется приводимое имъ выраженіе, и что онъ не оставляетъ учащагося при одной аналогіи, но даетъ ихъ нѣсколько, предоставляя ему собственными силами выбрать ту, которая ему кажется болѣе подходящею. Начитанность г. Фохта, обнаруживающаяся въ приведеніи подобныхъ оборотовъ, не можетъ не поразить своею громадностію; кромѣ того, видно, что эта начитанность не безотчетная, но разумно систематизировавшая, приобретаемые стилистическіе матеріалы и съ большимъ умѣньемъ ими пользовавшаяся. Она можетъ служить для учащагося прекраснымъ примѣромъ, какъ надобно вчитываться въ древнихъ писателей для того, чтобъ это чтеніе могло принести желаемые результаты. Относительно круга писателей, изъ которыхъ заимствуются авторомъ приводимыя аналогіи, можно замѣтить, что онъ естественнымъ образомъ вмѣщаетъ въ себѣ прозаиковъ такъ-называемаго золотого вѣка, преимущественно: Цицерона, Цезаря, Саллюстія (сравн. XXXVI, 5), Ливія и Корнелія Непота. Но г. Фохтъ не стѣсняется исключительно этими авторами, и тамъ, гдѣ необходимо, беретъ примѣры и изъ другихъ, какъ болѣе раннихъ, такъ и позднѣйшихъ, и притомъ, не только изъ прозаиковъ, но и изъ поэтовъ. Такъ, на примѣръ, мы встрѣчаемъ цитаты изъ Плинія, Светонія, Сизенны (X, 4), Квадригарія (XVII, 1), Геронима (XVIII, 3), Теренція (XXXVI, 5) и др. Необходимость ввести въ кругъ сравненій и этихъ писателей объясняется тѣмъ, что весьма часто у нихъ однихъ сохранились тѣ или другіе термины и выраженія, соотвѣтствующіе русскому, находящемуся въ извѣстномъ мѣстѣ; на примѣръ, большинство терминовъ изъ области физической находится только у Плинія старшаго, множество выраженій обыденной жизни у Теренція и т. п. Но тѣмъ не менѣе, г. Фохтъ постоянно обращаетъ вниманіе учащагося на особенности писателей золотого вѣка, при чемъ нерѣдко предостерегаетъ отъ употребленія выраженій, какъ не соотвѣтствующихъ духу латинскаго языка, такъ и отступающихъ отъ языка писателей Августова вѣка, или не могущихъ быть по чему-либо употребленными въ данномъ мѣстѣ, а между тѣмъ обыкновенно прежде всего приходящихъ въ голову при переводѣ. Объясненія, приводимыя при этомъ г. Фохтомъ, болѣею частію кратки и имѣютъ отрицательную форму. Нѣсколько примѣровъ:

IX, 4. „*Императрица*: Augusta: imperatrix хотя и встрѣчается разъ у Цицерона ((Coel. 28, 67) fortes viros ab imperatrice—то-есть, Clodia—in insidiis atque in praesidiis balneorum locatos), и послѣ у Плинія старшаго, но встрѣчается весьма рѣдко и только въ нарицательномъ смыслѣ, не какъ титулъ“.

XXII, 6. „*Полумертвый*... Но semimortuus есть слово поэтовъ и позднѣйшихъ писателей. Отъ seminecis (род.) нѣтъ имен. единств. числа, хотя другія формы встрѣчаются у Ливія“.

XXX, 3. „*Зажигателей*... incendiarius не встрѣчается до Тацита, Ann. 15, 67: auriga et histrio et incendiarius exstitisti, и сверхъ того, обозначаетъ болѣе того, кто часто зажигаетъ“.

I, 2. „*Отрывокъ*—здѣсь не fragmentum—это говорится только о вещественныхъ предметахъ (fragmenta tegularum), такъ что fragmenta libri—были бы клочки разорванной книги; также не reliquiae, что означаетъ остатки цѣлаго, нѣкоторыя части котораго потеряны. Здѣсь *историческій отрывокъ* указываетъ на историческое сочиненіе, обнимающее отдѣльное историческое событіе, съ назначеніемъ входить въ составъ болѣе обширнаго труда. Такія сочиненія суть комментаріи Цезаря“.

IX, 1. „*Членовъ*: не membrum, что въ переносномъ смыслѣ говорится только, гдѣ цѣлое сравнивается съ тѣломъ (Sen. epp. 95; 52: membra sumus corporis magni), но надо перевести qui erant in. Sodales преимущественно называются члены общества, составленнаго по собственному почину членовъ“.

Подобныя замѣчанія, въ массѣ приводимыя г. Фохтомъ, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ, съ одной стороны, для Antibarbarus'a, обработка котораго въ алфавитномъ порядкѣ еще не существуетъ на русскомъ языкѣ, съ другой—для синонимии.

Отъ этой общей характеристики приѣмовъ г. Фохта переходимъ къ частностямъ; при семъ самымъ естественнымъ порядкомъ представляется намъ слѣдующій: сперва мы рассмотримъ указанія, дѣлаемыя авторомъ для передачи отдѣльныхъ словъ и выраженій, затѣмъ указанія фразеологическія и синтаксическія, и наконецъ, указанія періодологическія.

Что касается того, какъ передавать въ данномъ случаѣ то или другое русское слово или выраженіе на латинскій языкъ, то одного приѣма, употребляемаго при этомъ г. Фохтомъ, мы уже коснулись выше: онъ состоитъ въ указаніи того, *чѣмъ* не надобно переводить. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Фохтъ указываетъ и на то, *чего* не надобно пе-

реводитъ по требованію латинской рѣчи; при этомъ онъ мѣстами приводитъ весьма важныя замѣчанія объ употребленіи той или другой формы, того или другого оборота напимѣръ:

XXXVII, 3. *Брантъ* „нѣтъ необходимости переводить, потому что Брантъ былъ губернаторъ Казанскій, и слѣдовательно, сохраняется прежнее подлежащее“.

I, 3. „Слова *sui сокровища* должны быть опущены. Вообще по-латыни вовсе не любятъ одно понятіе описывать разными выраженіями, но разъ означенный предметъ (или лицо) или просто подразумеваютъ, если не возникаетъ никакой двусмысленности, или, если какое-нибудь указаніе необходимо, обозначаютъ указательнымъ мѣстоименіемъ“. — IX, 4. „Причастіе *посланные* можно было бы перевести причастіемъ, не смотря на то, что у Цицерона вообще прич. прош. страд. зал. во множ. числ. употребляется только тогда вм. существительнаго, когда обозначается опредѣленный и какъ бы замкнутый разрядъ людей, какъ *damnati, vincti, e carcere emissi, iure caesi* и под., у Ливія и даже у Цезаря существительныя причастія употребляются и иначе, и особенно *missi*: *Caes. b. c. 1, 18, 6*“.

Къ такимъ же объясненіямъ надобно причислить и замѣчанія объ употребленіи существительныхъ на *io* (1, 2), объ употребленіи полатыни глагола вмѣсто русскаго существительнаго съ глаголомъ, отъ котораго оно зависитъ (8, 3), объ употребленіи полатыни существительнаго съ прилагательнымъ (XI, 1), о замѣнѣ названія земли названіемъ народа при обозначеніи мѣста и т. п. Вообще, въ относящихся къ разсматриваемому отдѣлу замѣчаніяхъ г. Фохтъ даетъ богатый матеріалъ какъ для русско-латинской стилистики, такъ и для русско-латинскаго словаря. Для послѣдняго громадную важность имѣютъ многочисленныя указанія г. Фохта на то, какъ надобно выражать полатыни тѣ русскія слова, соответствующихъ которымъ не находится въ латинскомъ языкѣ. По свойству выбранныхъ авторомъ образцовъ для переводовъ, ему весьма часто приходилось сталкиваться съ подобными выраженіями; въ первомъ отдѣлѣ книги они большею частію были или техническими терминами, или словами, принадлежащими народному говору, во второмъ — относились къ понятіямъ абстрактнымъ, философско-эстетическимъ. По истинѣ изумительна та ловкость, съ которою опытная рука г. Фохта ведетъ учащагося по этому скользкому пути: не знаешь, чему удивляться — громадной ли начитанности автора, или полному и всестороннему пониманію новѣйшихъ выраженій вообще и русскихъ въ частности, или же, наконецъ,

поразительному умѣнью отыскать аналогію между русскими и латинскими выраженіями. Всѣ разсматриваемыя указанія въ высшей степени интересны для всякаго филолога-классика, а многія изъ нихъ поучительны для учащихся и еще по своему, такъ-сказать, реальному содержанію: потому что представляютъ цѣлыя экскурсы относительно различныхъ вопросовъ римскаго быта; напримѣръ: VIII, 1: подробное разсмотрѣніе римскихъ военныхъ чиновъ въ сравненіи съ русскими; VIII, 3: о римскихъ императорскихъ провинціяхъ и т. п. Мы позволимъ себѣ привести въ нѣсколько большемъ количествѣ примѣры того, какъ г. Фохтъ передаетъ русскія выраженія, соотвѣтствующія которымъ понятія почему-либо не находились у Римлянъ. Гдѣ есть малѣйшая возможность аналогіи, тамъ г. Фохтъ ею пользуется, напримѣръ, въ упомянутомъ экскурсѣ о военныхъ чинахъ, или: XXXIX, 1, *притисныхъ крестьянъ*: „Cod. Justinian. XI, 46, 6: servi ascripticii; ib. III, 38, 10: ascripticiae conditionis servi, coloni“. XXXII, 2: *фитиль*: „Funiculi igniarii, какъ lapis igniarius, говоритъ Marcellus Empiricus 33 med.“ и т. п. Затѣмъ, гдѣ возможно, онъ прибѣгаетъ къ описаніямъ, напримѣръ, II, 1: передаетъ русскія версты соотвѣтствующимъ количествомъ шаговъ; гдѣ же оказывается не приложимымъ и это, тамъ онъ передаетъ или тѣмъ же словомъ, но въ латинской формѣ, или принятымъ въ новѣйшей латыни выраженіемъ, стараясь при этомъ постоянно отмѣтить, что оно у древнихъ писателей не встрѣчается; напримѣръ: IX, 1. *Канцелярія* „Cancellaria—новое слово, но при названіяхъ иноземныхъ должностей и учреждений Римляне, если у нихъ не было соотвѣтствующихъ учреждений, часто удерживали чужія имена, не только греческія (ephorî и пр.), но и другія, хотя обыкновенно съ нѣкоторымъ объясненіемъ (Liv. 28, 37, 2: sufetes, qui summus Poenis magistratus), или съ словами qui vocatur и т. п.“ XXXIX, 1. *гренадеръ*: milites или milites ejus generis, qui grenadarii vocantur“; XVII, 1. *винтовкою*: bombardâ (новое слово“; XIX, 2, *порохомъ*—pulvis pyrius (но должно замѣтить, что pyrius новое слово“. Указанную выше аналогію г. Фохтъ прилагаетъ и къ передачѣ собственныхъ именъ; напримѣръ: II, 2: „*Оренбургской губерніи*—provincia Orenburgiensis (ор. Orenburgium), по аналогіи Teutoburgiensiſ (Tac. Ann. 1, 60) и Asciburgium (Tac. Germ. 3)“. Что касается до передачи выраженій философско-эстетическихъ, въ такомъ обиліи встрѣчающихся при переводѣ статьи Кудрявцева, то г. Фохтъ прибѣгаетъ большею частію къ описаніямъ или къ указанію, если не вполне тождественныхъ, то близко подходящихъ выраженій, заимствованныхъ преимущественно

изъ философскихъ и риторическихъ сочиненій Цицерона; эти цитаты подобраны съ большимъ искусствомъ и поражаютъ читателя своею массою, свидѣтельствующею опять-таки о глубокой начитанности г. Фохта; нѣсколько примѣровъ:

L, 3. „*Внутреннюю архитектуру*“: Cic. de fin. 3, 22, 7 4: admirabilis compositio disciplinae incredibilisque rerum traxit ordo“.

LI, I. „*Эстетическій вкусъ*“, какъ вѣрное сужденіе о красотѣ и пониманіе ея—judicium (Cic. de opt. gen. or. 4, 11: qui teneras aures habent intelligensque judicium) или intelligentia (Verr. 2, 4, 44, 98: ne illa non solum temperantia, sed etiam intelligentia te atque istos qui se elegantes dici volunt vicerit)“.

LVIII, 2. „*Пластика*“ въ собственномъ смыслѣ у Цицерона ars fingendi (ars statuaria у Плинія старшаго, sculptura у Квинтилиана); и этотъ гл. fingere употребляется также о поэтѣ: Cic. de har. resp. 27, 59. Quamtam immanem Charybdim poetae fingendo exprimere potuerunt. Но такъ какъ при гл. fingere часто думаютъ о недѣйствительности, а здѣсь обозначается только произведеніе наглядныхъ образцовъ, то перев. по Quintil. 6, 2, 36: Insequetur ἐνάργεια, quae a Cicerone illustratio et evidentia nominatur, quae non tam dicere videtur, quam ostendere“. Также мѣтко указано, какъ переводить выраженія: идея, сюжетъ, художественный типъ, тема, нравственная отвѣтственность и т. д.

Что касается до объясненій, относящихся къ фразеологій и синтаксическимъ явленіямъ языка, то кое-чего изъ этой области мы коснулись уже выше. Здѣсь обратимъ вниманіе на слѣдующее: приѣмъ, который употребляетъ г. Фохтъ для того, чтобы навести учащагося на правильную передачу той или другой фразы, того или другаго соединенія словъ, совершенно тотъ же, какъ и указанный выше, при передачѣ отдѣльныхъ словъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, авторъ приводитъ подлинныя мѣста изъ древнихъ писателей, на основаніи которыхъ учащійся самъ долженъ сдѣлать переводъ даннаго мѣста. Нерѣдко приводится нѣсколько возможностей передать ту или другую фразу, мѣстами же только вопросомъ указывается учащемуся на правильную передачу. Подобно тому, какъ выше отмѣчали мы рѣдкое умѣнье автора подыскивать къ новымъ словамъ соотвѣтствующія древнія, такъ и здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, съ какимъ чутъемъ онъ указываетъ на то, какъ надобно переводить метафорическія выраженія, постоянно отмѣчая возможность или невозможность соблюсти фигуру; въ послѣднемъ случаѣ онъ старается или подыскать въ ла-

тинскомъ языкѣ близко подходящую метафору, или небольшимъ видоизмѣненіемъ приспособить ее къ латинскому способу выраженія; на примѣръ:

XIII, 4, „*возвести на престолъ* должно передать безъ фигуры, собственнымъ обозначеніемъ дѣла; ср. Liv. 1, 6, 3: „Ita Numitori Albanae permissa и т. д.“

XXVI, 1. „*Хлѣбъ-солъ твоя помрачилась*. По причинѣ глагола помрачилась къ mensa прибавить splendor, потому что съ splendor соединяется этотъ глаголъ (Cic. de fin. 5, 8, 22: obscurantis est omnem splendorem honestatis, ne dicam inquinantis), а неудобно соединить obscurare прямо съ mensa“.

XV, 4. „*Показалось имъ надежною пружиною*. Подобной метафоры нѣтъ въ латинскомъ языкѣ. Выраженіе должно составить по Caes. b. c. 3, 70: Ita parvae res magnum in utramque partem momentum habuerunt; и по Cic. de inv. 2, 25: magno ad persuadendum momento esse“.

LVIII, 5. „*Подъ широкою тканію*: сущ. tela хотя и переносится на другіе предметы, но не на сочиненіе, а на жизнь (Cic. de or. 3, 6, 226: ea tela texitur et in ea civitate incitatur ratio vivendi); болѣе уместно было бы сущ. contextus (part. orat. 23, 82: in toto quasi contextu orationis. Quint. 11, 22: in cogitatis quoque rerum ac verborum contextum sequi); но лучше еще употребить гл. contexere (Cic. ad fam. 5, 12, 2: conjunctione malles cum reliquis rebus nostra contexere)“.

Рядомъ съ фразеологическими указаніями идутъ и грамматическія, относящіяся къ явленіямъ, отличающимъ русскій синтаксисъ отъ латинскаго. Эти замѣчанія обыкновенно кратки, ограничиваясь только указаніями, какъ и чѣмъ надобно перевести, на примѣръ:

XVII, 4. „*Въ случаѣ* перев. предложеніемъ ibid. „*Самъ же*“ и это слѣдуетъ перевести косвенною рѣчью“.

XLIII, 2. „*Необходимость* перев. не существительнымъ, но герундивомъ“. Но мѣстами попадаются и болѣе подробныя объясненія; на примѣръ, XIII, 1. „*Въ смутное сіе время*. Когда указ. мѣстоим. соединяется съ прилагательнымъ, то обыкновенно къ послѣднему присоединяется нарѣчіе tam, а вмѣсто magnus употребляется tantus, вмѣсто multi—tot“. Эти объясненія иногда переходятъ въ форму экскурсовъ, въ которыхъ подробно и обстоятельно развивается употребленіе того или другаго правила; на примѣръ: XXV, 4, употребленіе verba dicendi въ прямой рѣчи; IV, 2—предлоговъ съ своими падежами и т. п.

Переходомъ къ періодологическимъ объясненіямъ служатъ тѣ примѣчанія г. Фохта, въ которыхъ онъ указываетъ на построеніе предложений. Эти примѣчанія, немногочисленные по количеству, встрѣчаются тамъ, гдѣ буквальное построеніе русскихъ предложений на латинскомъ языкѣ неловко или вовсе невозможно, напримѣръ: XX, 1. „*писалъ—требуя...*“ „лучше вообще наоборотъ глаголь *писалъ* передать причастіемъ (*litteras dare*) и вм. требуя поставить *verbum finitum*.“ XXXV, 3. „*Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ*“. Подлежащимъ въ этой фразѣ должно быть тоже самое слово, какъ и въ словахъ *имѣть повѣренныхъ*“.

Отъ формировки и построенія отдѣльныхъ предложений естественъ переходъ къ ихъ соединенію. Главное отличіе латинской рѣчи отъ русской составляетъ связность: то, что въ русскомъ языкѣ выражается нѣсколькими отдѣльными предложениями, латыни соединяется по возможности въ одно цѣлое, называемое періодомъ. Для начинающаго писать латыни трудность заключается въ томъ, что онъ долженъ приучаться выражать свои мысли періодическою рѣчью. Въ этомъ отношеніи замѣчанія г. Фохта составляютъ драгоценное пособіе не только для учащихся, но и для наставниковъ: для первыхъ потому, что систематическая архитектоника латинской рѣчи въ нашихъ гимназіяхъ не проходитъ; для послѣднихъ потому, что не во всякомъ, даже иностранномъ, учебникѣ можно найти полное и связанное изложеніе началъ періодологии. Имѣя въ виду пополнить этотъ недостатокъ, на сколько это возможно при отрывочныхъ замѣчаніяхъ, вызываемыхъ отдѣльными явленіями русскаго текста, г. Фохтъ постоянно дѣлаетъ указанія на построеніе и соединеніе періодовъ. Онъ неуклонно обращаетъ вниманіе учащагося на взаимное соотношеніе предложений, нерѣдко весьма тонкое; заставляетъ отмѣчать всѣ его оттѣнки, и затѣмъ указываетъ, можно или нѣтъ соблюсти его въ латинскомъ переводѣ. Указанія эти ограничиваются иногда только намеками; напримѣръ: VI, 2. „Для правильнаго построенія этого періода 1) надо найти, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою отдѣльныя мысли, что чему предшествуетъ, что чему служитъ причиною или слѣдствіемъ; 2) какіе факты главные, какіе второстепенные; 3) надо какъ можно дольше удерживать тѣже самыя подлежащія“. Иногда указанія бываютъ нѣсколько подробнѣе; гдѣ же, по мнѣнію г. Фохта, учащемуся не подъ силу построить русскій текстъ согласно съ требованіями латинской періодологии, тамъ дается пери-

фразъ, въ которомъ предложенія разставляются въ томъ порядкѣ, въ которомъ требуется сочинить ихъ полатыни; напримѣръ: IX, 4. „Перев. По этому каз., не теряя надежды, покушались,—но посланные были схвачены—наказаны,—и такъ какъ было велѣно, то начальство воспользовалось“. XLVII, 1. „Перев. И какъ многое можно б. ск.,—а все таки (всего) самымъ неистощ.—содержаніе: такъ и важность—древности и изящество формы—анализа“. Далѣе, г. Фохтомъ обращается (что и естественно) большое вниманіе на частицы, употребляемыя при соединеніи предложеній и періодовъ, и онъ не упускаетъ случая указывать учащемуся на ихъ значеніе и приложеніе. Эти указанія тѣмъ важнѣе, что латинскій языкъ болѣе, чѣмъ русскій, любитъ формальнымъ образомъ обозначать взаимное отношеніе періодовъ, и потому частицы играютъ въ немъ болѣе видную роль, чѣмъ въ послѣднемъ. Въ большинствѣ случаевъ г. Фохтъ приводитъ указанія со свойственною ему краткостью, но мѣстами представляетъ и болѣе подробное изложеніе значенія и употребленія частицъ, особенно синонимическихъ и могущихъ быть легко смѣшанными; такъ, онъ говоритъ весьма обстоятельно о различіи соединительныхъ союзовъ: *atque, que* и *et* (III, 2); о *sed, autem, vero* и *at* (IV, 1) и т. д. Всѣ указанія г. Фохта, относящіяся къ періодологии, свидѣтельствуютъ о весьма тонкомъ стилистическомъ чутьѣ автора, соединенномъ со всестороннимъ изученіемъ латинскаго языка; авторъ является полнымъ хозяиномъ латинской рѣчи: съ рѣдкимъ чутьемъ и умѣньемъ улавливая оттѣнки русскаго изложенія, онъ постоянно указываетъ на ихъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе латинскому, и эти указанія въ высшей степени драгоценны.

Къ концу разсматриваемой книги приложенъ указатель словъ и выраженій, объясненныхъ авторомъ, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ, почему и можетъ отчасти служить пособіемъ (разумѣется, въ объемѣ и количествѣ приводимыхъ г. Фохтомъ объясненій) при составленіи учащимися ихъ собственныхъ упражненій.

Недостатки труда г. Фохта въ сравненіи съ указанными достоинствами до того незначительны, что мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ подробно. Замѣтимъ только, что мѣстами слогъ почтеннаго автора нѣсколько тяжеловатъ и даже теменъ; ясность въ грамматическомъ изложеніи должна стоять на первомъ планѣ. Можетъ быть, темнота обусловливается иногда краткостью (а краткимъ г. Фохтъ старается быть по принципу); но и эта краткость, въ виду различныхъ причинъ, могла бы, какъ намъ кажется, уступить мѣсто

болѣе подробному изложенію. Впрочемъ, темнота и краткость могутъ быть легко устранены при второмъ изданіи, котораго мы усердно желаемъ книгѣ г. Фохта; надѣмся также, что тогда она выйдетъ болѣе исправною въ корректурномъ отношеніи, которое въ настоящемъ изданіи заставляетъ желать многого.

Мы кончили. Изъ сказаннаго, думается, можно усмотрѣть, что въ книгѣ г. Фохта мы имѣемъ трудъ, равнаго которому давно не появлялось въ нашей педагогической литературѣ, и именно въ томъ ея отдѣлѣ, который относится къ изученію древнихъ языковъ. Это не скороспѣлая работа, въ родѣ тѣхъ, которыя теперь появляются въ разныхъ концахъ Россіи; напротивъ, это трудъ зрѣлый, требовавшій громаднхъ знаній, умѣнья и педагогическаго такта; трудъ обдуман- ный, приготовлявшійся многолѣтнимъ изученіемъ, требовавшій одинаковаго знанія какъ русскаго, такъ и латинскаго языковъ; трудъ, свидѣтельствующій, что авторъ зорко всматривался въ каждую особенность русскаго текста и долго обдумывалъ возможность передать ее на латинскій языкъ. За то и вышелъ этотъ трудъ блистатель- нымъ, и остается только пожелать, чтобы всѣ наши гимназіи въ близкомъ будущемъ достигли такого высокаго уровня въ знаніи древ- нихъ языковъ, при которомъ книга г. Фохта можетъ принести несом- нѣнную пользу.

